

© 2022

Татьяна Соколова

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник

Института экономики Российской академии наук (г. Москва, Россия)

(e-mail: sokolova99@mail.ru)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СТРАН ЕАЭС: ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕФОРМАТИРОВАНИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматриваются проблемы устойчивости человеческого потенциала постсоветских государств в новых социально-экономических реалиях. На одном полюсе находится Россия, где цена социальной адаптации к беспрецедентному санкционному давлению чрезвычайно высока, на другом — страны ЕАЭС, в которых в силу социально-экономической связанности с Россией неизбежно сужается горизонт для дальнейшего развития и наращивания человеческого потенциала. Показано, что в ближайшей перспективе межстрановые различия на постсоветском пространстве в уровне и качестве человеческого потенциала, скорее всего, будут только нарастать и определяться как запасом накопленной в досанкционный период социальной прочности общества, так и возможностями социальной политики оперативно гасить волны от макроэкономических шоков.

Ключевые слова: человеческий потенциал, ЕАЭС, постсоветское пространство, социальная политика, санкции, уровень жизни.

DOI: 10.31857/S020736760023426-7

Беспрецедентные геополитические вызовы и угрозы, с которыми столкнулась мировая экономика в 2022 г., отозвались мощным эхом на всем постсоветском пространстве. В результате в государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС), обладающих наибольшей степенью социально-экономической связанности, был запущен процесс кардинального переформатирования сложившихся моделей национальных хозяйственных механизмов.

По оценкам Евразийского банка развития (ЕАБР), опубликованным в мае 2022 г., адаптация экономики региона к новым условиям может занять несколько лет. При этом может наблюдаться разнонаправленная динамика ВВП. Так, в базовом сценарии ЕАБР в 2022 г. прогнозируется сокращение ВВП России на 7,0%, в Белоруссии — на 6,5% вследствие разрывов производственно-логистических цепочек, повышенной неопределенности и санкций. Рост экономик остальных стран-участниц замедлится в силу тесных экономических связей с Россией и снижения темпов роста мировой экономики. По итогам 2022 г., рост ВВП Армении прогнозируется в размере 1,0%, Казахстана — 2,5%, Киргизии — 1,1%.

В России и Белоруссии в 2023 г. прогнозируется сокращение ВВП (–3,0%); прирост ВВП Казахстана, напротив, составит 4,8%. Этому будут способствовать завершение работ по увеличению мощностей по добыче нефти на месторождении Тенгиз, а также реализация государственных программ, направленных на повышение доходов населения. Рост ВВП Киргизии и Армении в 2023 г. продолжится

и составит 1,6% и 3,5% соответственно. Его поддержат процессы переориентации экспортеров и трудовых мигрантов на новые рынки [8. С. 6].

Более оптимистичен октябрьский прогноз Всемирного банка, согласно которому в 2022 г. экономика России должна сократиться на 4,5%. Предполагается, что падение будет не таким сильным, как прогнозировалось изначально, прежде всего, благодаря решительным мерам налогово-бюджетной политики, а также резкому росту цен на энергоносители, за счет которых увеличились бюджетные поступления. Вместе с тем избежать резкого падения реальных доходов населения в ближайшей перспективе, видимо, не удастся. В 2023 г. рецессия продолжится из-за влияния санкций, а также уменьшения фискальной экспансии. Согласно тому же прогнозу в Казахстане в 2022 г. рост ВВП должен замедлиться до 3%, а в Армении достичь 7% за счет резкого роста денежных переводов и мигрантов из России. Однако в 2023 г. эти факторы будут снивелированы инфляционным давлением и напряженностью на государственной границе Армении. В Белоруссии рецессия будет, скорее всего, углубляться, в 2023 г. прогнозируется сокращение экономической активности и рост бедности. Экономике Киргизии, возможно, удастся преодолеть трудности более мягко – ускорившийся в январе-июле рост ВВП до 7,7%, вероятно, позволит завершить 2022 г. с показателем ВВП 4% [36. Р. 119, 123, 137, 149].

Растущая социально-политическая турбулентность существенно ослабляет интеграционную направленность постсоветского мира, "усиливает его и без того не дремлющий дезинтеграционный потенциал" [23. С. 57]. Название очередного доклада ПРООН о человеческом развитии за 2021/22 гг. – «Неопределенные времена, неустроенные жизни: создавая будущее в меняющемся мире» – говорит само за себя. Индекс развития человеческого потенциала, который измеряет состояние здоровья, образования и уровня жизни, впервые за 32 года (в течение которых он рассчитывался) снижается во всем мире два года подряд. Человеческое развитие вернулось на пять лет назад, к уровню 2016 г., что свело на нет большую часть прогресса в достижении Целей в области устойчивого развития [35].

Высокие «перегрузки» испытывает весь социальный «каркас» и на постсоветском пространстве. Очевидно, что странам ЕАЭС предстоит заплатить высокую социальную цену за преодоление жесткой внешней и внутренней геополитической и геоэкономической нестабильности. Системный кризис затронет прямо или косвенно все сферы социальной жизни, что неминуемо приведет в той или иной степени к сокращению накопленного человеческого потенциала¹. "Кризисы, связанные со спадом производства, всегда ведут к потере человеческого капитала,

¹ Человеческий потенциал – это совокупность способностей, знаний, навыков и личностных характеристик человека вне зависимости от того, в какой мере они находят или могут найти конкретное применение в экономической деятельности. Человеческий потенциал экономики – это более узкая (прикладная) трактовка, нацеленная только на различные сферы трудовой деятельности и потребления и исключающая при этом жизненные установки людей, их представления о мире, ценности, здоровье (особенно психоэмоциональное), устойчивость к стрессам и мотивацию к активному образу жизни (см.: [29] и [5. С. 106]).

поскольку затрагивают и меняют структуру спроса на труд" [10. С. 234]. И даже в процессе реформирования, не сопровождающегося столь серьезными социально-экономическими потрясениями, разрушаются старые институты, а вместе с ними происходит списание "старого" человеческого капитала. Формирование нового человеческого капитала ставит временные пределы эффективности любых реформ, поскольку требует, как правило, значительного времени для адаптации людей к институциональным реформам [5. С. 110]. В противном случае (когда скорость институциональных изменений существенно превышает социокультурные), формируются, как полагает Н.М. Плискевич [22], так называемые "институциональные рубцы", препятствующие всестороннему развитию человеческого потенциала.

Вместе с тем и сама профессия, будучи одним из составляемых человеческого потенциала, становится (особенно в переломные моменты) тем социальным институтом, который позволяет человеку сменить или адаптировать ее к изменившимся обстоятельствам, моделируя тем самым свой социальный статус (материальное положение, стиль жизни, круг общения и пр.) [30. С. 223]. Таким образом, человеческий потенциал, накопленный ранее, отчасти помогает сгладить издержки адаптационного периода.

Очевидно, что в условиях новых геополитических и геоэкономических реалий имеющиеся межстрановые различия в ЕАЭС в уровне и качестве человеческого потенциала, скорее всего, будут только нарастать. Как отмечает Л.Б. Вардомский, «межстрановые различия в человеческом потенциале не могут быть долгосрочным фактором развития евразийского интеграционного проекта, необходима программа перенацеливания деятельности ЕАЭС на согласованное и совместное развитие человеческого потенциала и его более эффективное использование, прежде всего, через координацию национальных стратегий развития и реализацию совместных экономических и социальных проектов» [7. С. 25]. Ввиду того что масштаб количественной и качественной дифференциации человеческого потенциала определяется как запасом достигнутой в досанкционный период социальной прочности общества, так и способностью национальной социальной политики оперативно гасить волны от макроэкономических шоков, очевидно, потребуется еще большая, чем раньше, как отмечал А.А. Аузан еще в 2015 г., «защита статей государственного бюджета, нацеленных на инвестиции в человеческий капитал» [4. С. 244]. Сопоставление долей расходов на образование и здравоохранение, с одной стороны, и расходов на оборону и безопасность, с другой, в общем объеме расходов консолидированного бюджета в странах ЕАЭС в 2016 и 2020 гг. наглядно показывает отсутствие значимой положительной динамики в сторону социализации расходов госбюджета (табл. 1).

Все это доказывает ограниченность чисто рыночных решений большинства социальных проблем и необходимость интеграции государственной социальной

и экономической политики, активного участия государства в корректировке провалов рынка и одновременно — стимулирование развития экономики с помощью вложений в человеческий капитал [31. С. 174]. Однако в странах ЕАЭС и, особенно в России, сейчас это трудно осуществимо, поскольку в ближайшей перспективе приоритет будет, скорее всего, отдан расходам на оборону и безопасность.

Таблица 1

Доля расходов на образование, здравоохранение и оборону в общем объеме расходов консолидированного бюджета в странах ЕАЭС (%)

	Образование		Здравоохранение		Оборона, общественный порядок и безопасность	
	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.	2016 г.	2020 г.
Армения	8,4	7,6	6,1	7,8	35,7	28,5
Белоруссия	16,8	16,4	14,7	16,4	9,9	10,0
Казахстан	17,7	18,8	11,0	11,7	10,8	10,1
Киргизия	20,1	19,6	8,8	2,0	10,5	9,8
Россия	9,9	10,3	10,0	11,7	20,4	13,2

Источник: рассчитано автором: [25. С. 405–407].

Вместе с тем в современных условиях важнейшим фактором обеспечения экономической безопасности ЕАЭС становится именно человеческий потенциал. Так, Н. Юрова полагает, что необходимо пересмотреть подходы в рамках внутриинтеграционного взаимодействия в плоскости формирования, развития, реализации и сохранения человеческого потенциала и идти по пути укрепления сотрудничества для повышения экономической безопасности евразийского региона, находящейся под угрозой ввиду значительных проблем в уровнях и синхронности развития человеческого потенциала в странах ЕАЭС [33. С. 62, 70].

Кроме того, есть шанс, что в рамках интеграционного объединения сработает так называемый «синергетический эффект», который снивелирует издержки социально-экономического кризиса в странах-участницах. По мнению Г.И. Осадчей и Е.Е. Киселевой, «преодолению экономического кризиса будет способствовать укрепление и развитие интегрированного экономического пространства, в котором каждый участник, за счет синергетического эффекта, сможет заработать больше, чем он мог бы заработать, находясь вне этого пространства» [20. С. 2]. Это могло бы, в свою очередь, стать весомым доказательством экономической природы ЕАЭС, сводящим на нет усилия западных экспертов представлять его как политический, а не экономический союз [28. С. 104]. Однако, поскольку «интеграционная миссия стран ЕАЭС на Западе рассматривается как реальная угроза...», странам региона необходимо быть готовыми к тому, что «...геополитический троллинг и санкционное давление будут только нарастать» [23. С. 68].

Сравнение основных слагаемых близких по значению индексов человеческого развития (ИЧР) в России и Белоруссии² показывает, что более высокое положение России в рейтинге стран ЕАЭС по ИЧР (52-е место в 2021 г.) объясняется большей величиной показателя душевого валового национального дохода (ВНД), тогда как Белоруссия (60-е место в 2021 г. по ИЧР) опережает Россию по ожидаемой продолжительности жизни и демонстрирует меньший коэффициент неравенства людей (табл. 2).

Среди стран ЕАЭС наибольшую сбалансированность слагаемых индекса ИЧР демонстрирует, как видно из данных табл. 2, Казахстан, наименьшую — Киргизия. В 2021 г. Казахстан занимал 56-е место в рейтинге по ИЧР, Киргизия — 118 место. При этом разрыв становится еще больше (61-е в Киргизии против 141-е в Казахстане), если сравнить ИЧР в этих странах, скорректированные с учетом неравенства в трех основных измерениях человеческого развития (здоровье и долголетие, знания и достойный уровень жизни).

Таблица 2

Индекс человеческого развития (ИЧР и ИЧРН)* и его компоненты в ЕАЭС

Страны/ года	Рейтинг по ИЧР				Рейтинг по ИЧРН (ИЧР, скорректиро- ван- ный с учетом неравенства)	Ожидаемая продолжи- тельность жизни при рождении (в годах)	Ожидаемая продолжительность обучения (в годах)	Средняя продолжительность обучения (в годах)	Валовой национальный доход (ВНД) на душу населения (в долл. США 2017 г. по ППС)	Коэффициент неравенства людей**
	2010	2015	2019	2021	2021	2021	2021	2021	2021	2021
Армения	76	84	81	85	98	72,0	13,1	11,3	13 158	9,1
Белоруссия	61	52	53	60	70	72,4	15,2	12,1	18 849	5,3
Казахстан	66	56	51	56	61	69,4	15,8	12,3	23 943	6,9
Киргизия	109	120	120	118	141	70,0	13,2	11,4	4 566	9,2
Россия	65	49	52	52	53	69,4	15,8	12,8	27 166	8,4

* до 2013 г. — «Индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП)

** средний показатель неравенства, рассчитываемый по трем основным измерениям человеческого развития (здоровье и долголетие, знания и достойный уровень жизни).

Источник: составлено автором по: [14. С. 347–348], [15. С. 343–344; 351–353], [34. Р. 149–150]; [35. Р. 272–273, 281–283].

² Детальный анализ основных тенденций человеческого развития в России и Белоруссии проведен в статье [19].

ИЧР с поправкой на неравенство (ИЧРН) показывает, насколько неравномерно распределены среди населения достижения страны в области человеческого развития. Чем сильнее неравенство, тем ниже значение ИЧРН по сравнению с ИЧР. Эти «потери» (разница в процентах между значением ИЧРН и значением ИЧР) составили в России в 2021 г. 8,6%, в Белоруссии — 5,3%, Казахстане — 6,9%, Армении и Киргизии — 9,4%. Важно, что всем странам-членам ЕАЭС за прошедшее десятилетие с 2010 по 2021 гг. удалось добиться устойчивого нисходящего тренда в динамике этого показателя (табл. 3), что с высокой долей вероятности может говорить о влиянии евразийской интеграции на постепенное улучшение условий жизни населения участвующих в ней государств. Примечательно, что наименее успешной Киргизии удалось за этот период снизить показатель потерь значения индекса ИЧР почти на 6 процентных пунктов. Это самый высокий показатель среди стран ЕАЭС, свидетельствующий о постепенном сближении и выравнивании уровней развития внутри рассматриваемого региона.

Таблица 3

Потери значения индекса ЧР, обусловленные неравенством в распределении достижений в области человеческого развития (%)

	2010 г.	2015 г.	2018 г.	2021 г.
Армения	11,0	9,3	9,9	9,4
Белоруссия	9,3	6,4	6,4	5,3
Казахстан	13,6	10,1	7,1	6,9
Киргизия	15,1	12,3	9,5	9,4
Россия	11,5	9,8	9,9	8,6

Источник: составлено автором по: [35. Р. 281–283], [15. С. 308–310], [14. С. 206–207], [34. Р. 153–154].

В Казахстане провозглашена и последовательно реализуется государственная политика, основанная на принципе человекоцентричности. Он лежит в основе всех национальных программ, а также прописан в Национальном плане развития Республики Казахстан до 2025 года [18. 177]. Киргизия же оказалась «заложницей» так называемого «высокообразованного молодежного бугра» (необычно высокая доля молодежи в возрасте 15–24 лет в общей численности взрослого населения). В условиях низкого уровня ВВП и вялой экономической динамики высокообразованная молодежь не могла найти достойную работу, что привело в 2005 и 2010 гг. к мощному взрыву протестных настроений в стране [12. С. 51].

В России в рамках действующей с начала 90-х гг. модели экономики отсутствуют возможности адекватной реализации человеческого потенциала, что подчеркивается в ряде российских исследований. Так, по мнению С. Долматовой, высокое социальное неравенство влечет за собой неравный доступ населения к качественному образованию, здравоохранению, культуре. В результате

образуется замкнутый круг, когда при крайне неравномерном распределении ресурсов, в условиях деиндустриализации и гипертрофии финансового сектора, в бедственном положении оказываются отрасли, связанные с формированием человеческого потенциала, и воспроизводятся неравные условия для его реализации [16. С. 361]. В. Гимпельсон и Р. Капелюшников отмечают, что невостребованность человеческого капитала (в силу отсутствия соответствующих его уровню рабочих мест) приводит к его постепенной утрате [9, 11]. В России с середины 2000-х гг. фиксируются рост безработицы среди лиц с высшим образованием и снижение отдачи от его уровня. В основе этих процессов — дисбаланс между числом лиц с высшим образованием и численностью рабочих мест, предполагающих его использование. Так, в России в 2018 г. доля лиц с высшим образованием достигла 34,2% занятых, при том что количество рабочих мест для специалистов высшей квалификации было гораздо меньше — 24,6% [27. С. 114].

Таким образом, возможная причина кроется не только и не столько в низком качестве рабочей силы, сколько в «плохих» рабочих местах, на которых не предъявляются повышенные требования к образованию работников, и не предлагается значимых премий даже для носителей развитого человеческого капитала [2. С. 92]. На парадоксальную ситуацию бедности российских профессионалов обращают внимание в своем исследовании Н.Е. Тихонова и Е.Д. Слободенюк. В конце 2019 г. средняя зарплата профессионалов в России составляла после вычета налогов 34733 руб. при 29293 руб. по работающим в среднем, что свидетельствует о недооценке высококвалифицированного нефизического труда в российской экономике и о дисбалансе спроса и предложения на соответствующем сегменте рынка труда. Слабая связь качества человеческого капитала и уровня заработной платы демотивирует профессионалов в наращивании их знаний и навыков [27. С. 114-115; 132].

Учитывая распространенную в последние 25 лет практику «покупки дипломов», уровень реального образования не растет. Так, в 2015 г. в России у 8% лиц с дипломом об окончании высшего учебного заведения общее количество лет обучения было менее 15, а у 4% — менее 14 лет, при этом не все имели даже законченное школьное образование [26. С. 89–90]. Кроме того, профили полученного образования и трудовой деятельности часто не соответствуют друг другу, однако это, как ни парадоксально, никак не отражается на уровне заработной платы.

В итоге, значительная часть специалистов с высокой профессиональной и образовательной подготовкой, в т.ч. с высшим образованием, работают не по специальности или вообще оставляют пределы родной страны в поисках более привлекательных рынков труда и приемлемых условий для достойной занятости. Только за два прошедших десятилетия Россия потеряла примерно половину своих ученых, в том числе — в существенной части прикладной науки, а ведь это была, действительно, «мощная армия ученых, занятая организацией внедрения научно-технических новшеств» [32. С. 141].

Другой, помимо России, яркий пример — это Армения, где в буквальном смысле «таксисты страны имеют два высших образования», поскольку выпускникам вузов найти работу по специальности практически невозможно, и они вынуждены работать в сфере обслуживания населения [1. С. 114]. Армения, по сути, превратилась в страну-донора высокообразованных и квалифицированных кадров. Большой отток произошел из Национальной академии наук Армении, численность академических работников в которой сократилась в период с 1990 по 2008 гг. с 7 до 3,5 тыс. человек. Причем отток научных кадров произошел в основном за счет наиболее активной возрастной группы (30–50 лет), в итоге сейчас стоит серьезная проблема, связанная со старением трудового персонала научных организаций, где преобладают сотрудники в возрасте 50–70 лет. Наиболее тревожны возрастающие миграционные настроения у значительной части молодежи. Результаты социологического исследования, проведенного в Армении, показали, что уже 2011 г. почти 40% опрошенной молодежи в возрасте от 18 до 30 лет, имеющие высшее или среднее специальное образование, хотели навсегда уехать из страны [3. С. 60]. После вступления Армении в 2015 г. в ЕАЭС поток мигрантов из Армении вновь усилился, при этом основным направлением трудовой миграции была Россия. По оценкам экспертов, вступление Армении в ЕАЭС позволило снизить риск бедности домохозяйств трудовых мигрантов на 2,5 процентных пункта, а риск острой бедности — на 4,5 процентных пункта [13. С. 29]. Справедливо отмечается, что «экономика Армении строится не на экспорте продукции, производимой в стране, а человеческого капитала, или рабочей силы, дивиденды от которого возвращаются в страну в виде частных трансфертов» [3. С. 61]. Несмотря на снижение доли денежных переводов в ВВП за последние годы (с 19% в 2013 г. до 12% в 2021 г.), они все еще остаются значительным источником дохода в Армении. Однако, по прогнозам ЕАБР, спад российской экономики отрицательно отразится на рынке труда и на располагаемом доходе населения, ограничивая таким образом потоки переводов трудовых мигрантов. Сокращение денежных переводов из России может привести к прямым потерям ВВП Армении на 1,0% в течение 2022 г. [8. С. 14].

Перед серьезными вызовами со стороны интеллектуальной миграции стоят и государства Центральной Азии. Эксперты обращают внимание на то, что без системных реформ и серьезного подхода к проблеме оттока кадров неопределенными выглядят перспективы реализации стратегий развития центрально-азиатских государств, что несет в себе мощный вызов для их социальной стабильности и безопасности [6. С. 117].

По данным Всемирного банка, межстрановые различия в уровне валового внутреннего продукта на душу населения тесно связаны с уровнем развития человеческого капитала. Его вклад весьма существенен и может достигать от 10% до 30% [37. Р. 51]. По оценкам экспертов, в странах с наиболее развитой экономикой в среднем 60% прироста национального дохода определяется приростом

знаний и уровнем образования. Увеличение бюджетных расходов на образование на 1% ведет к росту ВВП на 0,35% [1. С. 107]. Многие исследователи полагают, что «именно конкуренция за высококачественный человеческий капитал, а не за минеральные ресурсы, будет определять положение страны в мировом экономическом обороте, тенденцию ее к маргинализации или, наоборот, выдвижение к доминированию» [4. С. 244]. Чтобы избежать крупномасштабной «утечки мозгов» из ЕАЭС, необходимо «поднять общий уровень социокультурного развития широкого большинства, способного если и не вливаться непосредственно в «креативный класс», то вполне качественно отвечать на исходящие из него импульсы и в целом создавать комфортную для его передовых представителей среду» [21. С. 34].

Сейчас странам ЕАЭС необходимо приложить максимум совместных усилий, чтобы избежать ошибок и просчетов, допущенных при распаде СССР в начале 90-х гг. прошлого столетия, когда в результате «идеологического шока» произошло «разрушение советской идентичности многих представителей старших поколений и утрата смысла прожитой ими жизни» [24. С. 35], был фактически утрачен накопленный ранее человеческий капитал.

В связи с этим в условиях текущего переформатирования постсоветского пространства на первый план в государствах ЕАЭС выходят проблемы устойчивости не только чисто экономического, но и социального, человеческого, развития. На одном полюсе находится Россия, где цена социальной адаптации к беспрецедентному санкционному давлению чрезвычайно высока, на другом — остальные страны ЕАЭС, в которых в силу социально-экономической связанности с Россией неизбежно резко сузился горизонт для дальнейшего развития и наращивания человеческого потенциала.

Литература

1. Агаджанова З.Г., Петросян И.Б. Влияние качества высшего образования на экономический рост. Мировые тенденции и проблематика современной Армении // Научные исследования XXI века. 2022. № 1 (15). С. 105–116.
2. Аникин В.А. Человеческий капитал в посткризисной России: состояние и отдача // The Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2018. Т. 10. № 2. С. 92.
3. Аракелян И.А., Погосян Р.М. Динамика и структура трудовой миграции из Армении // Sciences of Europe. 2022. № 87–2 (87). С. 58–63.
4. Аузан А.А. О возможности перехода к экономической стратегии, основанной на специфике человеческого капитала в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 243–248.
5. Балацкий Е.В. Институциональные реформы и человеческий капитал // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. № 3 (51). С. 103–124.
6. Бахриев Б., Ризоён Ш. Центральная Азия перед вызовами интеллектуальной миграции: тенденции и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2022, № 66. № 7. С. 117–126.

7. Вардомский Л.Б. Пространственное измерение евразийской интеграции // Региональные исследования. 2021. № 4 (74). С. 18–28.
8. Винокуров, Е., Кузнецов, А., Бердигулова, А., Федоров, К., Харитончик, А., Бабаджанян, В. Макроэкономический прогноз ЕАБР: экономики региона в новой реальности. Май 2022 // М.: Евразийский банк развития. 2022. 43 с.
9. Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129–143.
10. Гимпельсон В.Е. Человеческий капитал в эпоху санкций и контрсанкций: некоторые перераспределительные последствия // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3 (55). С. 234–238.
11. Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И. Российская модель рынка труда: испытание кризисом // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2 (26). С. 249–254.
12. Глазова Е.С. Киргизия: институциональные изменения как выход из "ловушек развития" // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 49–62.
13. Денисова И.А., Оксиденко В.Г., Чудиновских О.С. Влияние общего рынка труда ЕАЭС на уровень благосостояния домохозяйств мигрантов (на примере Армении) // Прикладная эконометрика. 2022. № 1 (65). С. 29–44.
14. Доклад о человеческом развитии 2016: Человеческое развитие для всех и каждого. Программа развития ООН. Нью-Йорк. 2016. С. 287.
15. Доклад о человеческом развитии 2020: Следующий рубеж. Человеческое развитие и антропоцен. Программа развития ООН. Нью-Йорк. 2020. С. 347–348.
16. Долматова С.А. Проблема реализации человеческого потенциала и социальное расслоение: замкнутый круг? / Форсайт "Россия": новое индустриальное общество. Будущее. Сборник докладов Санкт-Петербургского международного экономического конгресса (СПЭК-2018), 2019. Т. 2. Издательство: Институт нового индустриального развития имени С.Ю. Витте. С. 361–369.
17. Евразийский экономический союз в цифрах // М.: Евразийская экономическая комиссия. 2022. 189 с.
18. Кожжабаева С.А., Мукан Б.Г., Елишбаев Р.К. Развитие человеческого потенциала в Казахстане: проблемы и методы анализа // Экономика: стратегия и практика. 2021. Т. 16. № 4. С. 174–187.
19. Липатова Л.Н., Прюель Н.А., Градусова В.Н. Развитие человеческого потенциала в Российской Федерации и Республике Беларусь: основные достижения и проблемы // Развитие территорий. 2020. № 3 (21). С. 50–54.
20. Осадчая Г.И., Киселева Е.Е. Человеческий потенциал устойчивого развития Евразийского экономического союза: оценка динамики // Социальное пространство. 2021. Т. 7. № 4. С. 1–15.
21. Плискевич Н.М. Институты, ценности и человеческий потенциал в условиях современной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 2022. № 3 (31). С. 33–53.
22. Плискевич Н.М. Институциональные рубцы в "пограничных" обществах и эволюция человеческого потенциала (Часть 1: Институциональные рубцы) // Вопросы теоретической экономики. 2022. № 3. С. 130–143.
23. Постсоветское пространство: между Европой и Азией / Б. П. Гуселетов и др.; отв. ред. Б.П. Гуселетов // М.: ФНИСЦ РАН. 2022. 187 с.
24. Социокультурные особенности российской модернизации: материалы круглого стола // М.: Экон-Информ. 2009. 152 с.
25. Статистический ежегодник Евразийского экономического союза // М.: Евразийская экономическая комиссия. 2021. 460 с.

26. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. 2018. № 5. С. 89–90.
27. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // Мир России. 2022. Т. 31. № 1. С. 113–137.
28. Травин Н. А., Ованесов А. Ю. ЕАЭС в публикациях ведущих западных «фабрик мысли» в 2019 году // М.: Издательство «Перо». 2020. URL: http://open-analytics.ru/uploads/files/download/EAES_v_publikaciyah_veduschih_zapadnih_fabrik_misli.pdf
29. Федотов А. А. Качество жизни и человеческий потенциал в концепциях устойчивого и человеческого развития (Ч. 1 и 2) // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2; № 3. С. 53–65.
30. Хохлова М. Трудовая миграция в СНГ и российский рынок труда // Россия и новые государства Евразии. 2021. № IV (LIII). С. 221–227.
31. Шестакова Е. Е. Социальная политика в интересах развития человеческого потенциала: мировой опыт // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85. С. 167–188.
32. Эпштейн Д. Под дамокловым мечом // Мир перемен. 2017. № 3. С. 141.
33. Юрова Н., Яо Ц. Развитие человеческого потенциала как фактор обеспечения экономической безопасности стран ЕАЭС // Банковский вестник. 2022. № 1 (702). С. 62–72.
34. Human Development Report 2010: The Real Wealth of Nations. Pathways to Human Development // N.Y.: United Nations Development Programme. 2010.
35. Human Development Report 2021–22: Uncertain Times, Unsettled Lives: Shaping our Future in a Transforming World // New York: UNDP (United Nations Development Programme). 2022.
36. Social Protection for Recovery // Washington. DC: The World Bank. 2022. 160 p.
37. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work // Washington, D. C.: World Bank. 2019.

Tatyana Sokolova (e-mail: sokolova99@mail.ru)

Ph.D. in Economics, Senior Researcher,

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS) (Moscow, Russia)

HUMAN POTENTIAL OF THE EAEU COUNTRIES: CHALLENGES AND THREATS AT THE TIME OF REFORMATTING THE POST-SOVIET AREA

The article deals with the problems of the sustainability of human potential in the post-Soviet states in the new socio-economic reality. At one pole is Russia, where the price of social adaptation to unprecedented sanctions pressure is extremely high, at the other are the EAEU countries, in which, due to socio-economic connectivity with Russia, the horizon for human potential building and further development inevitably narrows. It is shown that inter-country differences in the level and quality of human potential in the post-Soviet area are likely to only increase in the near future and are determined, on the one hand, by the reserve of societal resilience accumulated in the pre-sanctions period, and on the other hand, by the ability of the social policy to quickly extinguish the waves from the macroeconomic shocks.

Keywords: human potential, EAEU, post-Soviet area, social policy, sanctions, standard of living.